

Н.К. Солошенко-Заднепровская

ПУШКИНИАНА РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX в. КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Развитие русской поэзии XX в. невозможно представить вне ее самоопределения относительно А.С. Пушкина. Как художественное явление поэт живет в последующих эпохах в двух ипостасях: в оценке и анализе – с одной стороны, и в непрерывной творческой преемственности – с другой. Целью данной статьи состоит в том, чтобы выявить основные аспекты, которые являются важными и продуктивными для изучения рецепции Пушкина в русской поэзии начала XX в.

По мере проникновения в содержание современной эпохи пушкинская традиция оказалась традицией драматического художественного мышления. Актуальным в нем для XX в. стал сам человек, его сила перед лицом природы и истории. Поэзия прошлого века жила «богачейшим спектром идей, и эта «идейность» пыталась сделать поэзию средством их осуществления, ограничивая при этом самовыявления творческого дара». Пушкин для поэтов «серебряного века» был способом возвращения к самому себе, к своему собственному поэтическому дарованию, несводимому к «идее» [1, с.273]. Жанровой моделью такого отношения к действительности у Пушкина была драма, давшая поэтам XX в. большее разнообразие художественных форм, преодолевавшая лирический субъективизм. Другим важным уроком у Пушкина, стал, по мнению историков литературы, его историзм. Русская поэзия училась у Пушкина слушать историю, понимать ее, противостоять ей и опираться на нее. Пушкинский историзм – сознание своего человеческого «я», ощущение неисчерпаемости родового смысла истории, умение внутри него найти точку опоры [2, с.74].

Драматизм и историзм – два качества пушкинской поэзии, неотделимые друг от друга, но каждый поэт XX в. осваивал их по-своему. Скажем, поэтам XX в. Пушкин был просто необходим, ведь главной задачей их творчества было возвращение русской поэзии в то центральное и авторитетное положение, которое она стала утрачивать со времен Пушкина. Так, В. Сахаров в статье «Традиция Пушкина и русская советская литература» писал, что «Пушкин – та единственная вершина, достигнув которой литература наша смогла не только увидеть наконец и правильно понять свое прошлое (вплоть до «Слова о полку Игореве», были и летописей), но и определить свое будущее» [3, с. 32]. Критик утверждает, что поставленная перед советской литературой «пролетарская задача» ввергает ее в «вульгарный социологизм», особенно в 20-30 гг. И многие писатели, критики в этих новых исторических условиях пытались решить важнейший вопрос: каков будет "наш Пушкин", что советская литература у него воспримет, унаследует и творчески разовьет.

Наиболее существенные моменты формирования пушкинской теории реализма в поэзии XX в. выявляют в исследованиях об эстетических взглядах и художественной концепции А.С. Пушкина И. Уварова и Л. Степанов [9, с.28]. Во-первых, Пушкин утверждал, что поэзия воплощает не нравственную догму, а идеал, в котором «вчера» и «сегодня» слиты в «завтра». Важным эстетическим принципом поэта была «жизненная полнота» творчества. Его эстетика предполагала «зеркальность» отражения жизни. Образец пушкинского историзма лег может лечь в основу изучения творчества поэтов XX в. Во-вторых, повышенный интерес к личности и наследию поэта совпал по времени с общей тенденцией поэтического развития, с возвратным движением поэзии к классическим традициям, к гармонии, к традиционным формам стиха [6, с. 37].

XX век подарил русской поэзии «Облако в штанах», «Двенадцать», «Анну Снегину», «Хорошо!», «Соляной бунт»... Такие разные и удивительные творения таланта «отбрасывают, снимают с пьедестала Пушкина, лишают его современности»? [6, с. 52]. Современное пушкиноведение дает основание для выводов о новом прочтении произведений величайшего классика, обогащая литературу о нем большими и малыми открытиями. Так, давая характеристику веку «нынешнему», А. Михайлов улавливает новое, изменяющееся в лирической поэзии. Теперь для нее мало лишь одного богатства ощущений и «обаяния непосредственности» [2, с. 73]. Мудрый опыт и аналитическое мышление становятся одним из важнейших условий поэтического освоения быстротекущей жизни.

В ходе историко-литературного анализа творчества А. Блока не просто утверждается его преемственность у Пушкина, но и показывается, что Блок может быть своего рода ориентиром в изучении пушкинской традиции в новой литературе. Правда, это мнение у ряда исследователей противоречиво. У одних было стойкое желание вывести Блока за пределы пушкинского влияния: «В пантеоне юного Блока имя Пушкина остается в тени» [1, с. 273], – полагал Другие, напротив, подчеркивают: «Доместический» Блок – весь под влиянием пушкинской традиции» [3, с. 40]. Как известно, между двумя крайностями лежит не истина, а проблема. Обратимся к одному чрезвычайно характерному для нашей темы явлению – знаменитой предсмертной речи А. Блока «О назначении поэта» (1921), вошедшей в собрание его сочинений. Эта речь – творение вдохновенное, пророческое и глубоко художественное. Это философский трактат о человеке, мире и природе творчества, написанный мыслителем, оперировавшим понятиями «культура», «хаос», «космос», «мировая гармония». Блок в своей речи говорит о трагической роли поэта, но называет «веселое имя» – Пушкин.

Именно Пушкин своим знаменитым высказыванием «Слова поэта суть уже его дела» задает тон выступлению Блока. Дело поэта – понять гармонию мира и «внести эту гармонию во внешний мир». Пушкин помогает Блоку увидеть в поэте нового человека, призванного участвовать своим даром в

преображении новой действительности и человеческой души, то есть в жизнестроительстве.

Саму эту задачу Блок понимал, как известно, очень сложно и противоречиво. Однако смысл речи «О назначении поэта» в том, что Блок здесь, как и в одновременно написанном стихотворении «Пушкинскому Дому», обращается к Пушкину за помощью («Помоги в немой борьбе!»), задает автору «Медного всадника» традиционный русский вопрос «Что делать?».

Как известно, существует огромная литература по проблеме «Блок и Пушкин», но суть проблемы «приход Блока к Пушкину» пока еще выяснена недостаточно. Является ли он результатом той «классичности», которая появилась в его стихах конца 1900-начала 1910-х годов? Сравнение его с Пушкиным шло в сфере наиболее общих представлений о природе поэзии и вообще искусства. А. Блок виделся своим современникам как носитель абсолютного поэтического дара, как воплощение самого духа поэзии. И.И. Розанов назвал в 1936 г. его «Пушкиным своей эпохи» [6, с. 189]. Но многое в отношении Блока к пушкинской традиции непрояснено.

Проблема эта имеет не только художественно-эстетический, но культурно-социологический и литературоведческий аспект. Блоковедение 1930-х гг. любило подчеркивать «усадебное дворянское мировоззрение» юного Блока. Писали об окружающей его с детства «атмосфере далекой от жизни культурной интеллигентской семьи, исполненной дворянских традиций» [5, с. 3]. Если убрать специфическую прямолинейность этих оценок, то они точны и необходимы. Пушкин, действительно, доходил до раннего А. Блока как элемент дворянской культуры. Вместе с тем под знаком Пушкина начиналось и первое пробуждение романтических мечтаний, вырастающих из этой же почвы, из этой же почвы, из этого же детского ощущения мира: и няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день:

Гроб качается хрустальный,
Спит царевна мертвым сном...

Романтическая мечта о подвиге войдет в состав творческого мироощущения Блока. «Пушкинские» черты в ней присутствуют постольку, поскольку сама она еще не вышла за пределы духовно благоустроенного круга культурных семейных традиций. Пушкин для раннего Блока был живой, неотчужденной памятью, воспринятой из первых рук, а потому и своего рода экраном для начальных творческих «снов».

Если говорить о пушкинских реминисценциях в стихах раннего Блока, то они доходят туда не прямо из пушкинской эпохи, а опосредованно, в сплаве с поэтической культурой 1880-х гг. Блок усваивает в это время не Пушкина, а послепушкинскую поэзию второй половины XIX в., живущую во многом отраженным пушкинским светом. Это были стихи из первого раздела блоковского «Собрания стихотворений»:

Медлительной чредой нисходит день осенний.
Медлительно крутится желтый лист,

И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист,
 Душа не избежит невидимого тленья [8, с. 86].

И «медлительная чреда», и «крутится желтый лист», и «душа не избежит невидимого тленья» – все это на самом деле пушкинские отзвуки, но общий интонационный и мелодический строй с Пушкиным не имеет ничего общего. Пушкинские реминисценции для Блока в данном случае были общепозэтическим материалом, тем, что Веселовский назвал однажды «унаследованными лирическими формулами», то есть надличностной передачей традиции [1, с. 273]. Общеупотребительность этих формул вне сомнений, и она не выделяла Блока из поэтической культуры конца XIX в., а растворяла в ней. Так, например, в юношеской книге «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блок освобождался от пушкинских реминисценций как от элемента подражательности. Условно-романтическое истолкование пушкинских мотивов «бедного рыцаря» или спящей царевны дела не меняло – они становились элементами мира, насыщенного эсхатологическими предчувствиями, и собственно «пушкинского» в них практически ничего не оставалось. Память о Пушкине, связанная с няней, с детством, уходила в подпочву творческой психики Блока. Он вернется к ней, начав работу над «Возмездием». Сознал ли сам Блок, что приступая к работе над поэмой, он оказался в поле тяготения пушкинской традиции? Не мог не осознавать – ведь со времени «Евгения Онегина» в русской поэзии не было такого мастерского изображения эпохи, изображения времени и места действия, которое неразрывно связано и определяет самое действие [7, с. 30]. Позже блоковеды увидят здесь «черты нового Пушкина», будут отмечать «стилевую традицию» пушкинского «романа в стихах» и Медного всадника [8, с. 86].

Коллизия «Возмездия», действительно, имела самое прямое отношение к «Евгению Онегину» – в традиционный уклад русской дворянской семьи вторгался «непринужденный гость», «странный незнакомец», выпавший не только из родового уклада, но и из сложившихся духовно-исторических связей эпохи. Уже одно это влекло использование стилистики пушкинского романа. Оно было настолько очевидным, что Анна Ахматова считала, что «Онегин» «испортил» (...) «Возмездие» Блока [4, с. 152]. Е.Ф. Книпович заметила, что в «Возмездии» «слились, собрались все пушкинские отзвуки, хранимые с малолетства» в творческой памяти Блока [3, с. 39]. Пушкинские мотивы были преломлены у Блока памятью о детстве и следованием романтической традиции. Поэтому «Возмездие» – произведение внешне пушкинское и внутренне глубоко романтическое, отнюдь не «онегинское».

Блок также тяготел к реалистическому, бытовому и историческому повествованию. Но выйти в пространство эпоса ему не удавалось. Эпическую основу современной жизни Блок находил разрушенной. Разумеется, он был поэт, тесно связанный с XIX веком, и для него, как и для Пушкина, важным в творчестве была народная жизнь, взятая в ее широчайших проявлениях. Но для того, чтобы увидеть эти возможности, Блоку требовалась лирическая

дистанция. Россия не случайно была названа им «лирической величиной». Народная тема у него звучала «по-пушкински».

Внутреннее родство Блока с Пушкиным должно рассматриваться в плоскости присущего им обоим драматизма художественного мышления. Мысль о том, что задуманное Блоком преодоление лирики шло не на эпической, а на драматической основе, в 1920-е годы активно и доказательно развивал В. Гольцев [2, с. 73]. Драматизм блоковской лирики исследователи ощущали достаточно хорошо. Но качественно другой уровень драматизма возник в поэме «Двенадцать». Драматизм этой поэмы сильно отличается от всей блоковской лирики. Блок вышел в пушкинскую традицию, ломая традиционное представление о Пушкине как об эпике, открывая в нем драматического поэта площадного, публичного дарования. И дело вовсе не только в том, что действие в «Двенадцати», как и в «Медном всаднике», происходит на площади. Как и у Пушкина, в «Двенадцати» каждое слово представляло драматически насыщенным, ибо оно «разыгрывало» действие. По этой причине блоковская поэма, оказываясь «театром», «спектаклем», была практически непереводима на язык сценического действия.

Кроме того, драматизм поэмы Блока тоже заключался в действии, сконцентрированном до развязки. По жанровому своеобразием «Двенадцать» соотносится, однако, не только с драматургией Пушкина, но именно с «Медным всадником»: поэма насыщена изнутри драматическим действием. Но «пушкинским» здесь был не только жанр, но и проблематика. Блок сумел нащупать глубочайшие внутренние принципы пушкинской «формы», соответствующие драматической сущности века. Вслед за Пушкиным он поставил проблему волевого самоопределения человека внутри человеческой стихии. «Не кончать историю, не выпрыгивать из нее, а начать работу по ее духовному преображению, сделав объектом преодоления самих себя – такова задача, встающая перед «Двенадцатью» [1, с. 273]. Символ новой духовности Блок выкраивает из традиционного материала человеческих страстей, неустранимого компонента исторического процесса. И Блок здесь проявляет художническую зоркость. Его мечта была о духовном продвижении истории.

Блок открыл Пушкина как великого драматического поэта, и в «Двенадцати» по-пушкински встал на точку зрения драматического писателя, «беспристрастного, как судьба». Вводя внутрь объективной драматической структуры особую, до конца не сливающуюся с другими судьбу художника, он тоже делал тем самым «пушкинский ход» [8, с. 86]. Эта неслиянность давала возможность дополнительного зрения и крупного духовного участия в жизни в особом, художническом качестве.

Размышляя о пушкиниане в русской поэзии начала XX в., мы взяли в качестве примера творчество А. Блока. Думается, важным и продуктивным для литературоведческого анализа иного поэтического материала могут быть те аспекты, которые намечены при изучении блоковской пушкинианы. Речь идет о том, что в исследовательской традиции сложились особые подходы при

виявленні пушкінського начала: оно осмысляется не только на уровне интертекста, функционировании пушкінских цитат, реминисценций, аллюзий, но и других аспектов – восприятие пушкінского историзма, отношения к различным сторонам русской действительности, его тем, жанров, а также эстетических воззрений. Такой подход делает картину русской поэтической пушкініани более объемной.

Литература

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Л.: Лениздат, 1940. – 357 с.
2. Гольцев В.А. Путь Александра Блока / В.А. Гольцев. – М.: Книга, 1963. – 296 с.
3. Книпович Е.И. Социально-психологические предпосылки творчества А.А. Блока / Е.И. Книпович // На литературные темы. – М., – 1967. – С.39-48.
4. Максимов Д.Е. Несколько слов о «Поэме без героя» / Д.Е. Максимов // Ученые записки Тартуского ун-та, Вып. 680. А. Блок и его окружение. Блоковский сб. 6. – Тарту, – 1985. – С. 152-171.
5. Малкина Е. Александр Блок на путях к реализму / Е. Малкина // Литературная учеба. – 1938. – №7. – С. 3-15.
6. Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века / В.В. Мусатов. – М.: Прометей, 1992. – 189 с.
7. Розанов И. Блок – редактор поэтов / И. Розанов // О Блоке. – М., – 1987. – С. 30-35.
8. Томашевский Б. Поэтическое наследие Пушкина / Б. Томашевский // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. – М.; Л., – 1941. – С. 86-91.
9. Уварова И. Пушкин и современная поэзия / И. Уварова, Л. Степанов // Вопросы литературы. – 1973. – №2. – С. 28-44.

Анотація

Н.К. Солошенко-Задніпровська. Пушкініана російської поезії початку ХХ ст. як наукова проблема.

Стаття присвячена виявленню аспектів, які сприяють вивченню пушкінської традиції в творчості поетів „срібного століття“. Прикладом обрано творчість О. Блока, творча еволюція якого розглядається крізь сприйняття поетом Пушкіна як реалістичне, побутове та історичне тлумачення.

Внутрішня близькість двох поетів розглядається в площині притаманного обом драматизму художнього мислення. Доводиться, що Пушкін для Блока є великим драматичним поетом, і його тяжіння до пушкінської драматичної системи виявляється на рівні жанру та проблематики, стилю та форми блоківських творів.

Ключові слова: пушкініана, драматизм, історизм.

Аннотация

Н.К. Солошенко-Заднепровская. Пушкиниана русской поэзии начала XX в. как научная проблема

Статья посвящена выявлению аспектов, которые способствуют изучению пушкинской традиции в творчестве поэтов «серебряного века». Примером избрано творчество А. Блока, творческая эволюция которого рассматривается сквозь восприятие поэтом Пушкина как реалистическое, бытовое и историческое понимание.

Внутренняя близость двух поэтов рассматривается в плоскости присущего обоим драматизма художественного мышления. Доказывается, что Пушкин для Блока является великим драматическим поэтом, и его тяготение к пушкинской драматической системе проявилось на уровне жанра и проблематики, стиля и формы блоковских произведений.

Ключевые слова: пушкиниана, драматизм, историзм.

Summary

Soloshenko-Zadneprovskaya N.K. Pushkiniana of Russian poetry of the XX century beginning as the scientific issue.

The article is devoted to revelation of aspects which help to study Pushkin's tradition in creative work of "Silver Age" poets. As the example we took A. Block's creativity, creative evolution of whom is considered thru understanding of Pushkin as realistic, common and historical realization.

Inherent relationship of two poets is considered at the angle of dramatic character of their artistic thought. It is being shown that Pushkin for Block is the great dramatic poet, and his bent for the Pushkin's dramatic system displayed in genre and problems, stylistics and view of Block's poems.

Key words: Pushkiniana, dramatic effect, historical method.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати профессором Андрущенко Е.А.